

ПОЖАРСКИЙ И ШУЙСКИЕ ОТЗВУК ТРАГЕДИИ 1610 ГОДА

20 октября 1631 г. в Поместный приказ поступил указ от «великого государя патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии», согласно которому следовало зарегистрировать покупку вотчины боярином кн. Иваном Ивановичем Шуйским у боярина кн. Дмитрия Михайловича Пожарского. На первый взгляд – рутинная торговая сделка, и неясно, какое отношение имел к ней государев отец и глава русской Церкви. Однако чтение самого документа приоткрывает завесу над историей, истоки которой восходят к событиям эпохи Смутного времени. Кто контрагенты сделки? Два члена Боярской думы – Дмитрий Михайлович Пожарский и Иван Иванович Шуйский. Первый – герой освободительного движения, чьи деяния не имеет смысла перечислять, второй – последний представитель знатнейшей семьи, младший брат неудачливого царя, долгое время пробывший в плену в Польше, и единственный из троих братьев, вернувшийся на родину (царь Василий Иванович и его брат Дмитрий умерли в плену). Что же покупает князь Иван Шуйский? Село Новосильцево в Манатыне, Быкове и Коровине стане Московского уезда было, как явствует из приложенных к делу выписок из приправочных книг Московского уезда с «писцовых книг письма и меры Тимофея Хлопова с товарищи 93-го и 94-го году» (1584/85 и 1585/86 гг.), старинной вотчиной боярина кн. Василия Федоровича Скопина-Шуйского¹. Этот предпоследний представитель ветви Скопиных-Шуйских, видный вельможа конца XVI в., участник обороны Пскова от Стефана Батория, умер еще в 1595 г., оставив жену, княгиню Алену Петровну, урожденную княжну Татеву, и 8-летнего сына Михаила². Земли эти перешли к наследнику, о чем говорится в деле – «а после было за сыном его за боярином за князем Михаилом Васильевичем». 4 апреля 1610 г. надежда династии Шуйских, двадцатитрехлетний князь Михаил трагически умирает после победоносного похода в Москве. Согласно общему мнению, он отравлен родственниками, предположительно царским братом Дмитрием Шуйским и его женой Екатериной Григорьевной, в девичестве Скуратовой-Бельской.

Село Новосильцево остается матери – «за княгинею за старицею Анисьею» – Алены Петровна постриглась в Суздальском Покровском монастыре, взяв имя Анисья, а ее невестка, вдова сына, княгиня Александра Васильевна, урожденная Головина, стала там же инокиней Анастасией³. Неизвестно, каково было имущественное положение инокини Анисьи Скопиной-Шуйской. В 1613/14 г. она вместе с невесткой вложила в Троице-Сергиев монастырь по душе кн. Михаила Васильевича две вотчины в Переяславль-Залесском уезде – сельца Расловское и Микульское стоимостью в 400 руб.⁴ Обе женщины тогда еще не были монахинями, они фигурируют в документе как княгини; когда они постриглись, неизвестно. Позднее известно только одно владение Алены Петровны. По писцовым и межевым книгам Г.И. Бобрищева-Пушкина и Г. Непейцына «за старицею княгинею Анисьею княж Михайловою матерью Васильевича Шуйского старинная их вотчина сельцо Новосильцево на реке на Клязьме» в 164 чети в Быкове и Коровине стану⁵. Однако и с ним ей пришлось расстаться. В патриаршем указе говорится, что «княгиня старица Анисья тое вотчину село Новосильцево с пустошми заложила у боярина у князя Дмитрея Михайловича Пожарского в двусот рублях»⁶. Мы не знаем, когда это произошло, поскольку заложенные вотчины продолжали числиться за владельцами, а оно числится за ней и в 1628/29 г.⁷ Но одно из условий залога выясняется по записи о погребении княгини. В 1631 г. «июля в 26 день по иноке Анисье

* Эскин Юрий Моисеевич, заместитель директора Российского государственного архива древних актов.

Петровне Шуйской Скопине дал вкладу боярин Дмитрий Михайлович Пожарской денег 50 рублей, и за тот вклад тело княгини иноки Анисьи погребли у Живоначальные Троицы в Большом монастыре»⁸. Пожарский, вероятно, исполнил ее волю, приняв на себя обязанности, которые должны были пасть на родственников. Но почему он? Вряд ли мы узнаем причины. Каковы были их отношения?

Известны свидетельства кн. Б.М. Лыкова 1608 г., когда во время возобновленной местнической тяжбы с кн. Д.М. Пожарским, он напоминал любившему сплетни и «ушничества» царю Василию, что около 1600–1601 гг. кн. Пожарский и его мать, княгиня Евфросинья-Мария Федоровна Пожарская, доносили царю Борису Годунову, что «бут-то... мать моя, съезжаючись со князь Васильевою княгинею Федоровича Шуйского Скопина со княгинею Оленою и будто ся розсуждают про нее царицу Марью и про царевну Оксенью злыми словесы», за что Лыков и претерпел опалу⁹. Интересно, что самого Лыкова Пожарский якобы обвинял в том, что тот «рассуждает и умышляет всякое зло» о царе Борисе в разговорах с князьями Голицыными и Борисом Петровичем Татевым¹⁰. Причины злословить у кн. Лыкова имелись. Лыковы были близки к опальным Романовым, а вдова кн. В.Ф. Скопина-Шуйского не могла не помнить, как ее покойного мужа Борис Годунов лишил наместничества – кормления в Каргополе¹¹. Заметим, что княгиня Алена Петровна Скопина-Шуйская была сестрой кн. Бориса Петровича Татеева¹², а последние принадлежали к роду Стародубских князей, как и Пожарские, и интриговать против своего однородца мать Дмитрия Михайловича, верховая боярыня при царевне Ксении, скорее всего, остереглась бы.

Нам ничего не известно о каких-либо отношениях между кн. М.В. Скопиным-Шуйским и кн. Д.М. Пожарским. Они вместе служили при дворе Лжедмитрия I, но Пожарский оставался, как и при прежнем царе, стольником, а князь Михаил получил заново учрежденный чин «мечника»¹³. На картине из Будапештского национального музея, изображающей прием посольства Н. Олесницкого, можно разглядеть его статную фигуру, в высокой боярской шапке и коротком польском кафтане, с государственным мечом в руках подле трона Лжедмитрия I¹⁴. Лицо, к сожалению, закрывает лезвие меча. Оба князя никак не заявили о себе во время переворота 17 мая 1606 г. В боях с И.И. Болотниковым в 1606 г. под Москвой кн. Дмитрий Пожарский был одним из голов под началом кн. Михаила Васильевича, много более молодого, но высокородного воеводы¹⁵. В Новом Летописце неосторожность и политическая неопытность Скопина-Шуйского противопоставляется осмотрительности и неколебимости Пожарского, достаточно сравнить их поведение в случае почти одинаковых провокаций П.П. Ляпунова. Первый отказывается от борьбы с царем, но не доносит, второй реагирует так же отрицательно, но сообщает о словах Ляпунова Василию Шуйскому (а Ляпунов призывает его, между тем, мстить именно за смерть Скопина) и требует подкреплений¹⁶.

Вряд ли мы сможем установить, когда и почему последняя представительница рода Скопиных-Шуйских решила заложить вотчину, и на что ей понадобились эти двести рублей. Ее сын владел большими вотчинами в шести уездах (всего – 4 441 четверть), и они в 1613 г. еще принадлежали его вдове Александре, умершей в 1619 г.¹⁷ Неясно, что из этих владений унаследовала свекровь, как она их лишилась, и почему ей пришлось искать деньги. Возможно, это было обусловлено пострижением в аристократическом Суздальском Покровском монастыре. Косвенно выбор ею кн. Пожарского как заимодавца свидетельствует против инсинуаций кн. Лыкова. Впрочем, все фигуранты тогдашней истории еще были живы – и княгиня старица Анисья Скопина-Шуйская, и мать Пожарского старица Евзникеева Пожарская прожили сравнительно долго¹⁸; но не исключено, что события последующих 30 лет кардинально изменили их отношения. Возможно, Пожарский заплатил за село не 200, а 250 рубл., с учетом суммы вклада за погребение старицы Анисьи на почетном освященном месте в Троице-Сергиевом монастыре, но может быть, 50 руб. были из закладной суммы. Род Скопиных-Шуйских пресекался, а семья инокини Анисьи – племянники кн. Петр (ум. в 1617 г.), Федор и Сергей Борисовичи Татеевы (ум. в 1630 г.)¹⁹, возможно, не располагали требуемой суммой. Кн. Пожарский же был к тому времени весьма богат²⁰.

Боярин кн. Иван Иванович Шуйский вновь появляется в Москве после размена пленными в 1617 г. Личность малосимпатичная, с детским прозвищем «Пуговка», он бездарный военачальник, венец его карьеры – сокрушительное поражение вверенного ему 15–20-тысячного войска у села Рахманцево 10-тысячным отрядом гетмана Я.П. Сапеги²¹. Зато в артистических способностях ему отказать нельзя. Когда пленных Шуйских представляли Сигизмунду III, Василий сдержанно поклонился, Дмитрий по московскому этикету бил челом, опустив руку до земли, а Иван троекратно бил челом и навзрыд плакал, чем вызвал симпатию короля и сенаторов. Когда в сентябре 1612 г. царь Василий, его брат Дмитрий и жена последнего Екатерина Григорьевна почти одновременно умерли, Иван Иванович выжил²². По возвращении в Россию он восстановлен в Боярской думе, ему возвращены огромные семейные владения – 10 родовых вотчин: десятки сел и деревень в семи уездах, сотни крестьянских дворов, тысячи четвертей земли²³. К нему логичнее всего было бы обратиться вдове Скопиной-Шуйской. Иван Иванович, вероятно, охотно купил бы родовую вотчину, округляя свои владения. Часть вотчин кн. М.В. Скопина ему каким-то образом достались (села Ивановское и Семеновское в Суздальском уезде)²⁴.

Косвенным доказательством того, что вотчину кн. И.И. Шуйскому продать не желали, является именно поспешность приобретения ее сразу после смерти старицы Анисьи. 19 июля 1631 г. она умерла, 26 июля погребена в Троице. Уже 20 октября кн. Иван Иванович обращается к патриарху, вероятно, используя старые связи, в том числе совместное пребывание в плену, дабы надежнее использовать право родового выкупа. В противном случае непонятно, зачем Шуйскому понадобилось обращаться в патриаршее ведомство. 29 октября сделка уже была совершена. Патриарх Филарет, возможно, несколько надавил на Пожарского, который получил обратно сумму заклада и вернул Ивану Шуйскому село. Судя по документам, оплачивать вклад по княгине и ее погребение родственник не стал, но Дмитрию Михайловичу не впервой было оказываться в финансовом убытке. Напоминать же об этом он, возможно, счел ниже своего достоинства. А вот причина отказа княгини продать село Ивану Шуйскому могла быть только одна. В то время ходили слухи о его участии в интригах 1610 г., и хотя основным виновником отравления кн. Михаила Васильевича называли рвавшегося к престолу кн. Дмитрия Шуйского, но участие кн. Ивана тоже отмечалось современниками²⁵: «дядя же его князь Дмитрий Иванович Шуйской с братьею и со княгинею велию» злону имяху на него, чающи того, якобы он желает быти царем», «и сему князю Михаилу позавидеша три братия, а ему дядя, его славе и чести, и оклеветаша его царю»²⁶. Недаром, по слухам того времени, Алена Петровна предупреждала сына – «и колько я тебе, чадо, в Александрову слободу приказывала – не езди во град Москву, что лихи в Москве звери лютые, а пышут ядом змеиным, изменничьим»²⁷. Возможно, потому она и не захотела быть похороненной вместе с Шуйскими, в их фамильном склепе в Суздале, попросив содействия влиятельного кн. Пожарского в погребении ее в Троицком монастыре в усыпальнице князей Татевых, рядом с отцом, матерью и братом²⁸. И пока была жива княгиня старица Анисья Скопина-Шуйская, помнившая апрельские события 1610 г. (о которых уже тогда сочиняли песни, обвиняя в гибели Михаила Васильевича придворную олигархию²⁹), человеку, замешанному в убийстве ее сына, вотчина достаться не могла.

Приложение³⁰

Дело о записи в Поместном приказе за кн. И.И. Шуйским родовой вотчины, выкупленной у кн. Д.М. Пожарского. 1631 г.

(л. 203) 140-го октября в 29 де[нь] в Поместном приказе Федору Васильевичю Волынскому да дьяком Неупокою Кокошкину да Венидикту Махову, да Василью Ключареву великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси з двора сын боярской Иван Рагозин подал память за приписью дьяка Пятого Филатова, и в памяти пишет: (л. 203 об.)

Лета 7140-го октября в 20 де[нь] по указу великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии память Федору Васильевичу Волинскому да дьяком Неупокою Кокошкину да Венидикту Махову, да Василью Ключареву. В нынешнем 140-м году великий государь святейший патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Русии по совету (л. 204) с сыном своим з государем царем и великим князем Михаилом Федоровичем всеа Русии самодержцем пожаловали боярина князя Ивана Ивановича Шуйского в Московском уезде в Манатьине и в Быкове, и в Коровине стану вотчины селом Новосильцевым с пустошми и с пашнею и с лесом и с сенными покосы и со всякими угодыи, что то село Новосильцово с пустошми было в вотчине (л. 204 об.) за боярином за князем Васильем Федоровичем Шуйского Скопина, а после было за сыном его за боярином за князем Михаилом Васильевичем, а после сына его за его, князь Васильевою, посестриною за княгиною за старицею Анисьею, и княгиня старица Анисья тое вотчину село Новосильцово с пустошми заложила у боярина у князя Дмитрея Михайловича Пожарского в двусот рублех. А по сыску (л. 205) и по старым писцовым книгам та вотчина село Новосильцово с пустошми старинная Шуйских вотчина, и по родству та вотчина, село Новосильцово с пустошми, отдана на выкуп боярину князю Ивану Ивановичю Шуйскому, и денги у него по закладным двесте рублев за ту вотчину взяты и отданы боярину князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому. И по указу (л. 205 об.) великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии Федору Васильевичу Волинскому да дьяком Неупокою Кокошкину да Венидикту Махову, да Василью Ключареву велети тою вотчину село Новосильцово с пустошми и со крестьяны и с пашнею и с лесом и с сенными покосы и со всякими угодыи в вотчинные в записные книги (л. 206) записати в вотчину за боярином за князем Иваном Ивановичем Шуйским, а как тое вотчину село Новосильцово с пустошми за боярином за князем Иваном Ивановичем Шуйским в записные в вотчинные книги запишут, и о том велети отписати на двор великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии к Ивану Борисовичю Доможирову (л. 206 об.) да к дьяку к Пятому Филатову.

Припись у памяти дьяка Пятого Филатова.

А в приправочных книгах Московского уезда с книг письма и меры Тимофея Хлопова с товарищи 93-го и 94-го году в Манатьине стану в вотчинах написано:

За князем Васильем Федоровичем (л. 207) Шуйского Скопина старинная отца ево вотчина село Новосильцово на реке на Клязьме, а в приправочных книгах то село Новосильцово не написано, а в нем церковь Сергей Чюдотворец, да предел Троица Живоначальная, бес пенья, да к тому ж селу припущено в пашню пустошь Потапово, пашни паханые в селе и в пустоши средние (л. 207 об.) земли сорок чети, да перелогом сорок восемь чети в поле, а в дву потому ж, сена по реке по Клязьме сто пятьдесят копен, да к селу ж на реке на реке (повтор в тексте. – Ю.Э.) на Клязьме мельница, мелет в одно колесо, а в ней пашни паханые средние земли тритцать чети, да перелогом дватцать чети в поле, а в дву потому ж, сена сто копен, лесу пашен (л. 208) ного около полполтрети десятины. И всего за князем Васильем Федоровичем Шуйским в вотчине деревня живущая да двор вотчинников, да двор приказчиков, да четырнатцать дворов крестьянских, а людей в них тож, пашни паханые средние земли пятьдесят чети да перелогом шестьдесят восемь чети, и обоего пашни паханые и пе (л. 208 об.) релогу сто осмнатцать чети в поле, а в дву потому ж, сена двесте пятьдесят копен, лесу пашенного полтрети десятины, да мельница.

По подлиннику в той вотчине в сельце да в пустоши четвертные пашни сто тритцать восемь чети.

А по перечню – сто осмнатцать (л. 209) четей.

И убыло по перечню перед подлинником дватцать чети.

Да в книгах же Московского уезда письма и меры Лаврентья Кологривова да подьячего Дружины Спирина 131 и 132 году в Манатьине и в Быкове и в Коровине стану в вотчинах написано: за старицею за княгиною за Онисьею, князя Михайловою матерью Васильевича Скопина, старинная их вотчина сельцо (л. 209 об.) Новосильцово на

реке на Клязьме, да к тому ж селу припущено в пашню пустошь Потапово, пустошь Чебукова на речке на Уче, пустошь Малое Чебукова на суходоле, пустошь Суконникова на суходоле, пустошь Рокина на суходоле, пустошь Брехова на суходоле, пустошь Ива-нишкова на реке на Клязьме, пустошь Курова на суходоле, пустошь Курова малое на суходоле, пустошь Малинки на суходоле. И всего за старицею (л. 210) княгинею Ани-сьею князь Михайловою матерью Васильевича Скопина в вотчине село да двенадцать пустошей, пашни паханые и перелогом, и лесом поросло средние земли сто шездесят четыре с полуосминою в поле, а в дву потому ж.

По приправочным книгам с книг Московского уезда письма и меры Тимофея Хло-пова с товарищи 94-го году в той вотчине написано пашни сто тритцать восемь чети.

(л. 210 об.) И прибыло в той вотчине по писцовым книгам Лаврентья Кологривова да подьячего Дружины Секирина 131 и 132 году перед старыми книгами одиннатцать пустошей.

А четверти всей пашни прибыло дватцать шесть чети с полуосминою.

А по памяти з двора великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии (л. 211) за приписью дьяка Пятого Филатова нынешняго 140-го году та вотчина село Новосильцово с пустошми и со крестьяны, и с пашнею, и со всеми угоды велено в Помесном приказе в записные в вотчинные книги записать за боярином за князем Иваном Ивановичем Шуйским, а как запишут, и о том велено отпи-сать на двор великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии к Ивану Дому (л. 211 об.) жирову да к дьяку к Пятому Филатову.

А на деле помета дьяка Венедикта Махова: 140-го ноября в 4 де[нь] по государе-ву великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии указу и по памяти за приписью дьяка Пятого Филатова записать та вотчина в записные вотчинные книги за боярином за князем Иваном (л. 212) Ивановичем Шуй-ским. И пошлины взять по государеву указу и на Патриархов двор отписать.

РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 4, д. 6013, л. 203–212.

Примечания

¹ РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 4, д. 6013, л. 206 об.–207.

² Кн. М.В. Скопин-Шуйский родился 8 ноября 1586 г. (*Иконников С.В.* Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский // *он же.* Исторични портрети. Київ, 2004. С. 257); *Раевский П.М.* Род царя, царевен и князей Шуйских. Ротапринт. Париж, 1957. № 109. С. 8.

³ *Раевский П.М.* Указ. соч. № 127. С. 10.

⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 75.

⁵ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 9806, л. 641–644; *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России в первой трети XVII в. М., 1990. С. 165, 223.

⁶ РГАДА, ф. 1209, оп. 4, д. 6013, л. 204 об.

⁷ *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины... С. 165, 223.

⁸ Вкладная книга... С. 75.

⁹ Русский исторический сборник (далее – РИС). Т. II. М., 1838. С. 268; *Иконников С.В.* Указ. соч. С. 258.

¹⁰ РИС. Т. II. С. 268.

¹¹ *Иконников В.С.* Указ. соч. С. 256.

¹² Кн. Б.П. Татев был родным братом княгини Е.П. Скопиной-Шуйской и двоюродным – князей Василия, Андрея и Ивана Васильевичей Голицыных по матери, урожденной Татевой (*Кобеко Д.Ф.* Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени. СПб., 1908. С. 6).

¹³ *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты. Очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. 2. Киев, 1993. С. 68–69.

¹⁴ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 156–159. Полотно, по мнению искусствоведов, принадлежит неизвестному художнику Львовской школы начала XVII в.

¹⁵ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003. С. 140.

¹⁶ *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 273.

¹⁷ Петрова Н.Г. Скопин-Шуйский. М., 2010. С. 11; Павлов А.Л. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 163.

¹⁸ Княгиня А.П. Скопина-Шуйская родилась в 1570 г., умерла 19 июля 1631 г.; княгиня Е.-М.Ф. Пожарская вышла замуж около 1571 г., умерла 7 апреля 1640 г. (Раевский П.М. Указ. соч. № 109. С. 8; Беляев Л.А. О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского. Эпиграфические заметки // Российская археология. 2009. № 1. С. 162–165).

¹⁹ Список надгробий Троицкого Сергиева монастыря, составленный в половине XVII в. // Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы Лавры, составленное по рукописным и печатным источникам профессором Московской духовной академии А.В. Горским в 1841 г. С приложениями архимандрита Леонида. М., 1890. С. 102.

²⁰ В 1630-е гг. кн. Д.М. Пожарский занимал четвертое место среди землевладельцев по числу крестьянских дворов. В его поместьях и вотчинах было 1 422 двора, у кн. И.Б. Черкасского – 1 938, у Ф.И. Шереметева – 2 083, у И.Н. Романова – 3 379 (Шватченко О.А. Землевладение и служба думных чинов в России XVIII – начала XVIII вв. М., 1999. С. 26).

²¹ Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII в. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 286–288.

²² Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007. С. 253–256.

²³ Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины... С. 179.

²⁴ Павлов А.П. Указ. соч. С. 163, 206.

²⁵ «Третий из братьев Шуйских, князь Иван Иванович, вместе с ними участвовал в прежних происках, так же враждебно относился к Скопину и вместе с ними разделял нелюбовь народа» (Иконников С.В. Указ. соч. С. 274).

²⁶ Иконников С.В. Указ. соч. С. 275.

²⁷ Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 60.

²⁸ «Род Татевых: Князя Василья Федоровича Шуйского Скопина княгиня инока Анисья Петровна, преставися 139 году июля в 19 день». Тут же захоронения боярина кн. Петра Ивановича Татева, его жены Ульянии Михайловны, их сына боярина кн. Бориса Петровича, внуков Петра, Федора, Сергея (Список надгробий... С. 102).

²⁹ «А съезжались князи-бояре супротиво к ним, ...а говорили слово, усмехнулися: “Высоко сокол поднялся, и о сыру матеру землю ушибся!”») (Песня о событиях после гибели М.В. Скопина-Шуйского. Из песен, записанных для Р. Джемса в 1619–1620 гг. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. С. 537).

³⁰ Регеста дела опубликована: Записные вотчинные книги Поместного приказа. 1626–1657 гг. Сост. А.В. Антонов и др. Под ред. А.В. Антонова, В.Д. Назарова, А. Береловича. М., 2010. С. 1269. Документ публикуется согласно Правилам издания исторических документов СССР, М., 1990.